

ВЛАСТЬ И СОЦИУМ

К ВОПРОСУ О ГИБРИДНЫХ ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Мироненко П.В.

кандидат политических наук, директор Международного института
гуманитарных технологий (Украина)

УДК 342.2
ББК 66.033.141.1

В статье рассматривается проблематика функционирования гибридных форм правления в современном мире. Анализируются, в частности, базовые векторы трансформации и модификации института главы государства в условиях абсолютной, дуалистической и конституционной (парламентской) монархии на примере стран Европы и Азии. Отдельно освещаются особенности двух противоположных тенденций в развитии института главы государства при республиканской форме правления – его «размывания» в парламентских системах и авторитаризации в патримониальных и неопатримониальных системах.

Ключевые слова: форма правления, монархия, республика, глава государства, патримониализм, неопатримониализм.

Mironenko P.V.

ON THE ISSUE OF HYBRID FORMS OF GOVERNMENT IN MODERN WORLD

The author considers the problems concerning functioning of hybrid forms of government in modern world. In particular, he analyses basic vectors of transformation and modification of the head of the state's institute in conditions of absolute, dualistic and constitutional (parliamentary) monarchy exemplified by the states of Europe and Asia. Separately he highlights peculiarities of two opposite trends in the development of the head of the state's institute under republican form of government – its “erosion” in parliamentary systems and authorization in patrimonial and neopatrimonial systems.

Key words: form of government, monarchy, republic, head of the state, patrimonialism, neopatrimonialism.

Вопрос о разграничении двух базовых разновидностей формы правления, на первый взгляд, является давно и, безусловно, решенным: власть главы государства, передающаяся по наследству, – это монархия; а власть выборная (де-юре) – республика. Однако, политико-правовые реалии и прошлого, и современности свидетельствуют: существует значительное количество примеров гибридных либо неоднозначных форм правления. Так, зачастую наблюдается противоречие в определении формы правления в том или ином государстве, исходя из позиций формально юридических и фактически политических. Кроме того, достаточно часто наблюдался и наблюдается фе-

номен плавного «перетекания» одной формы правления в другую (причем, в ряде случаев в полную свою противоположность) при отсутствии юридического оформления на конституционном уровне таких изменений. Поэтому, по убеждению автора, системный анализ разграничения де-юре и де-факто всех существующих сегодня форм правления не теряет своей актуальности и на уровне сугубо теоретическом, и на прикладном уровне исследования.

Целью представленной статьи является освещение основных направлений функционирования гибридных форм правления в современном мире. Среди исследовательских заданий работы можно

выделить такие: 1) рассмотрение некоторых методологических основ определения формы правления; 2) анализ базовых векторов трансформации и модификации института главы государства в условиях абсолютной, дуалистической и конституционной (парламентской) монархии на примере стран Европы и Азии; 3) определение «сильных» сторон монархической формы правления в современных условиях; 4) выяснение особенностей двух противоположных тенденций в развитии института главы государства при республиканской форме правления – его «размывания» в парламентских системах и авторитаризации в патримониальных и неопатримониальных системах.

Источниковедческая база представленной статьи состоит из работ и публикаций разного характера – информационных сообщений [4-6], монографических исследований [1-3, 7-10], результатов диссертационных разработок [11], что объясняется полифункциональным – теоретико-прикладным характером предлагаемой статьи. Особенно стоит отметить работы украинских ученых А.А. Фисуна «Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации» и С.В. Шуляка «Неопатримониальные диктатуры в арабском мире: анализ базисной модели», посвященные анализу чрезвычайно актуальных вопросов причин роста авторитарных форм правления в современном мире, а также книга российского исследователя Л.И. Селезнева «Политические системы современности: сравнительный анализ», предлагающая системное рассмотрение политических и формально юридических особенностей тех или иных форм правления на примере конкретных стран. Системный подход к рассмотрению и анализу проблематики формально юридического и фактически политического разграничения форм государственного правления предусматривает нахождение ответов на целый ряд вопросов. Среди центральных из них, по нашему мнению, можно назвать следующие:

— каковы основные причины несоответствия определения формы правления де-юре и де-факто в каждой конкретной стране, с одной стороны, и какие из них являются общими для ряда подобных стран?

— какие основные векторы трансформации одной формы правления в другую можно отметить?

— в чем состоит терминологическая и фактическая специфика определения той или иной формы правления?

— какие изменения (юридические, политологические, социокультурные) произошли в последние десятилетия в определении и анализе форм правления и с чем они были связаны?

Несомненно, указанные вопросы не исчерпывают всю широту исследуемой в этой работе проблематики. Но они могут дать толчок к дальнейшим ис-

следованиям трансформации форм правления в современном мире.

Как известно, правовой и фактический статус главы государства является одним из ключевых признаков при определении формы правления. Именно от формального статуса и реального политического положения главы государства зависят базовые институциональные и функциональные составляющие системы государственной власти и управления, характер политического режима в той или иной стране. Украинский ученый В. Шатило, отмечая «сильные» стороны института президентства (которые, на взгляд автора, можно вполне корректно экстраполировать и по отношению к институту главы государства в целом), перечисляет такие важные для политической системы направления его функционирования: 1) целостность осуществления власти; 2) способность объединять как по горизонтали, так и по вертикали разнородные элементы государства; 3) оперативность в сборе и переработке информации, необходимой для принятия государственных решений; 4) персонификация ответственности за эффективность и последствия принятых решений [1, с. 18].

Итак, ключевым фактором при определении формы правления является институт главы государства. Поэтому в рамках представленного исследования внимание будет сосредоточено на специфике (прежде всего, юридического, политического и социокультурного характера) функционирования института главы государства. Фактически именно реальное соотношение прав и обязанностей главы государства – монарха или президента в абсолютном большинстве случаев – определяет ту или иную форму правления. Причем, по мнению автора, приоритет при определении формы правления в каждой конкретной стране должен быть отдан не конституционно-юридическим признакам, которые указывают лишь на формально обозначенные направления и границы протекания политических процессов в государстве, а политическим и социокультурным (сложный комплекс традиций, политической истории, политико-правовых прецедентов, политической культуры и многих других составляющих) характеристикам.

Рассматривая институт монарха, следует заметить, что он прошел длительный процесс политической и юридической эволюции, результатом которого стали новейшие его модификации и модели. Как правило, монарх провозглашается главой государства официально – такой его статус может быть закреплён на конституционном уровне и/или вследствие политико-правовых прецедентов (традиций). Исключением является Япония, где император по Конституции – символ государства и единства народа. А, например, в Испании король – глава государства, символ един-

ства народа и гарант преемственности государства [2, с. 68]. Таким образом, обозначается особый политико-правовой статус монарха – не просто как главы государства, а как прямого носителя национальной истории и традиций, персонифицированного олицетворения своей нации. Примечательно, что приведенные примеры относятся к ограниченным (конституционным) монархиям, которые по сути (не с юридической, а с политической точки зрения) являются сегодня гибридными формами правления.

В чем же проявляется подобная «гибридность» современных монархий?

Во-первых, в том, что в современных условиях в большинстве случаев, за исключением абсолютных и части дуалистических монархий, глава государства владеет не столько реальной политической и государственной властью, сколько влиянием и авторитетом. Это, в свою очередь порождает следующую ситуацию. С одной стороны, власть главы государства (монарха) становится всё более номинальной, а его государственные права и обязанности – церемониальными, даже представительские функции в таком случае могут быть существенно ограничены. С другой стороны, несмотря на всю формальность своего политико-правового положения, глава государства в условиях функционирования ограниченной монархии несёт большой груз ответственности – не только за себя лично, но и за свою семью, в том числе и за своих предшественников. И если монарх справляется с этой задачей достойно, в глазах общественного мнения возрастает не только его личный авторитет, но и авторитет самого института монархии, делая его более жизнеспособным, легитимируя его в условиях зрелой демократии. Таким образом, говоря о современной ограниченной монархии как особой, «гибридной» форме правления, большинство исследователей обращают внимание на её неразрывную связь с демократическими принципами, нормами, институтами, ценностями – всем тем, без чего немыслима сегодня зрелая демократия. Поэтому неудивительно, что и к монархам в таких условиях выдвигаются требования, схожие с теми, каким должны соответствовать избираемые политики. Иными словами, современный глава государства при монархической форме правления должен быть не менее легитимен, чем другие акторы политической арены.

Во-вторых, о «гибридности» современных монархий свидетельствует и пересмотр в части из них принципов базовой процедуры – престолонаследия. Причем, это касается не только ограниченных, но и классических – абсолютных и дуалистических монархий, где на смену персональному престолонаследию приходят клановый и/или выборный принципы. Скажем, в некоторых исламских государствах, где тради-

ции бедуинов-кочевников сильнее, чем нормы обычного права. В Саудовской Аравии и Катаре, например, наследник престола избирается шейхами (вождями, старейшинами племён) из числа возможных претендентов [3, с. 91-92].

Кроме того, в последнее время наблюдается расширение прецедента досрочного (прижизненного) и добровольного прекращения своих полномочий главой государства в пользу своего престолонаследника. Так, в декабре 2006 г. король Бутана Джигме Сингай Вангчук досрочно передал управление страной в руки своего сына принца Джигме Кесара Намгейля Вангчука более чем за год до назначенного ранее срока [4]. 30 апреля 2013 г. королева Нидерландов Беатрикс отрёклась от престола в пользу наследного принца Виллема-Александера. Интересно, что это уже второй случай в истории страны – 30 апреля 1980 г. королева Юлиана поступила подобным образом по отношению к своей дочери и престолонаследнице – Беатрикс [5]. Возможно, опыт Нидерландов возьмут на вооружение и другие монархические дома Европы. Стало известно, что королева Великобритании Елизавета II объявила о начале процесса передачи своих полномочий принцу Чарльзу [6]. Названные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о постепенном отходе от догматического следования одного из базисных принципов монархизма, который выражается в известной фразе «Король умер. Да здравствует король!». Можно предположить, что подобные прецеденты могут дать толчок для более глубоких трансформаций института монархии и его постепенной трансформации в сторону переходных форм правления.

Подводя итоги, следует отметить, что монархическая форма правления, подобно республиканской, имеет свои относительные достоинства и недостатки. Например, украинский исследователь А. Ярош, отстаивая достоинства монархической формы правления в целом и абсолютизма в частности, подчеркивает, что именно абсолютизм может дать толчок для развития государства (особенно государств со значительными территориями) в переходной период – после больших войн и потрясений. Так же ученый убежден в том, что эта форма правления является наилучшей для наименьших стран на все времена [7, с. 8]. Безусловно, вышеизложенные аргументы являются достаточно спорными, особенно учитывая тот факт, что монархический абсолютизм как форма правления практически всегда балансирует на грани деспотизма, являя собой разновидность неограниченного авторитаризма, который в конечном итоге почти всегда приводит к краху государственности или к её радикальной (часто революционным путем) трансформации. Поэтому неудивительно, что даже традиционные абсолютные монархии

(скажем, в странах Персидского залива) в последние годы пусть и почти незаметно и очень осторожно делают некоторые шаги к условной (но всё же!) демократизации.

В монархической форме правления, которая предусматривает ограничения власти главы государства, несомненно, достоинств значительно больше. Первое то, что названная форма правления способствует достижению и сохранению высокого уровня политической стабильности в стране при соблюдении демократических процедур и норм ротации всех базовых государственных институтов, за исключением, конечно института главы государства. Так, во многом сохранению относительной политической и социальной стабильности в Бельгии в период самого затяжного за всю историю страны правительственного кризиса (19,5 месяцев на протяжении 2010 – 2011 гг.) способствовал, пусть и опосредовано, институт монархии, поскольку именно глава государства – король Альберт II стал тем объединяющим началом в процессе поиска и налаживания политического диалога между представителями фламандской и валлонской общин. Подобную же роль – национального объединения на основе примирения – сыграл и король Испании Хуан Карлос I, вступивший на престол в конце 1975 г., после чего начался демонтаж основ фашистского режима и демократизация страны.

Второй аргумент следующий: как свидетельствует опыт абсолютного большинства стран с этой формой правления, ограниченная монархия в современном мире обеспечивает максимально высокий уровень легитимности и авторитета главы государства, который достигается как благодаря восприятию гражданами (или точнее – подданными короны) этого института как должного и символизирующего собой саму национальную историю, так и вследствие тех ограничений формального и неформального характера, которые налагаются на монарха. Причем, в подоплеке обох указанных оснований лежит принцип непрерывности государственной власти, который обязывает монарха соответствовать тем же требованиям, что выдвигались перед его венценосными предками и сотни лет назад, поддерживая тем самым реноме института монархии, репутацию династии, а значит – и национальную государственность в целом. При этом в условиях ограниченной монархии принцип непрерывности государственной власти органично дополняется всеми процедурами, институциональными и функциональными требованиями, без которых немыслима современная демократия, что, в свою очередь, способствует еще большей открытости и способности к изменениям института главы государства как одного из ключевых в национальной политической ситуации той или иной страны.

Рассматривая республиканскую форму правления и ее «гибридные» модификации, следует отметить, что принцип выборности, который изначально определялся как базовый для нее, постепенно обретает новые формы и варианты. Скажем, в случае, если речь идет о парламентской республике, то президент как глава государства не является де-факто прямым представителем народа, поскольку избирается не всеми гражданами, а парламентариями. Таким образом, мандат главы государства в парламентской республике является достаточно ограниченным – он опосредован дважды: сначала избиратели отдают часть своих полномочий членам парламента, и лишь затем последние делегируют их президенту. Другими словами, республика в ее буквальном понимании «общего дела» трансформируется путем появления ряда своеобразных политических «посредников», которые могут исказить или транслировать по-своему названное «общее дело». Поэтому неудивительно, что в таких условиях институт президентства приобретает часто исключительно символический характер, подобный политико-правовому положению главы государства в ограниченной монархии. Зачастую такая трансформация закрепляется исключительно на уровне политических прецедентов и традиций без должного конституционного оформления. Например, в Италии и Австрии институт президентства на конституционно закреплённом уровне является важным и политически весомым, впрочем на практике в этих странах он утратил свое политическое значение в результате феномена «партийного государства»: ключевые государственно-управленческие решения и формирование центральных органов государственной власти совершаются либо путем заключения коалиционного пакта (Италия), либо путем принятия соответствующих (а фактически обязательных для исполнения) рекомендаций правящей партии (Австрия) [8, с. 28].

И если в парламентских республиках роль главы государства сведена зачастую к чисто декоративным функциям, де-факто политически нивелирована; то в президентских республиках распространенной является противоположная ситуация, когда институт главы государства становится самодостаточным, таковым, которому не нужны иные институты центральной государственной власти. Как метко подчеркивают американские исследователи Г. Бейли (H. Bailey) и Дж. Шафритц (J. Shafritz): «...роль президента в президентской республике настолько велика, что некоторые государствоведы даже называют его “главной движущей силой механизма государства”» [9, р. 8]. Именно президентская форма правления отличается чрезвычайно высокой степенью персонифицированности, что сближает эту разновидность республиканизму

с монархизмом, где исторически сложилась традиция отождествления страны с монаршей особой.

Понятно, что в случае американской модели президентуры, которая предусматривает обязательность периодической сменяемости главы государства, параллели с монархической формой правления выглядят достаточно условными. В ситуации, когда речь идет о президентурах части стран Латинской Америки, Азии и Африки, названные параллели и аналогии имеют гораздо больше оснований, поэтому не удивительно, что подобные формы правления определяются в юридической и политологической литературе как «суперпрезидентализм» или «суперпрезидентские режимы». Классическим примером суперпрезидентализма как особенной (и, безусловно, «гибридной») формы правления является ряд государств Латинской Америки. Так, большинство президентских республик этого региона в XX веке и часть из них (скажем, Венесуэла, Боливия, Эквадор) в веке XXI являются современными и постсовременными модификациями традиционных для прошлого бонапартистских или цезаристских режимов, что указывает на выраженные авторитарные характеристики названных разновидностей президентско-республиканской формы правления.

«Гибридность» суперпрезидентских республик стран Латинской Америки опирается во многом на феномен патримониализма. Патримониализм, по определению украинского А. Фисуна, – это «апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями политической и государственной власти, а также невычлененность публично-политической и частной сфер общественной жизни, основанной на доминировании коллективистского типа массового общественного сознания» [10, с. 154]. В результате такого специфического «присвоения» главой государства всей сферы управления формируется понимание им «своей» страны и граждан как собственного частного владения, что влечет фактическую приватизацию президентом в условиях патримониализма различных общественно значимых функций и государственных институтов, то есть фактическое превращение формально юридически республики в современную модификацию абсолютной монархии в форме личной (персонифицированной) диктатуры. Как писал британский исследователь Р. Бендикс, «в условиях патримониализма правитель рассматривает всю сферу политического управления в качестве собственной личной дела, таким же образом он использует свое владение политической властью в качестве полезного дополнения к своей частной собственности» [10, с. 154]. Отсюда, не удивительно, что суперпрезидентские республики в XX веке и сегодня часто представляют собой реинкарнацию средневековых абсолютных монархий, где глава государства обладал

абсолютным суверенитетом и являлся крупнейшим собственником в стране.

В последние десятилетия патримониализм в странах Латинской Америки, Азии и Африки трансформировался в неопатримониализм – форму правления и политический режим, который предусматривает персональное правление в условиях функционирования современных политических институтов, с одной стороны, и сохранения разветвленной сети персональных связей традиционного типа (конфессиональных, племенных, патронажных), с другой. Причем такие персональные связи традиционного типа не просто интегрируются в современную политическую систему, но и становятся определяющими для выбора базовых способов и принципов её функционирования [11, с. 3]. Неопатримониальные режимы, подобно патримониализму, приводят к деформации института главы государства в президентской системе правления, которая превращается в систему (как правило, пожизненную, а не периодически сменяемую как должно быть в республиках) персональной власти одного человека. Таким образом, нарушается основной принцип функционирования республиканской формы правления – выборность центральных органов власти государства. Несменяемость десятилетиями главы государства в этих условиях порождает феномен понимания президента как «отца нации», для которого его страна – не только личная вотчина, но и большая «нация-семья».

Бесспорно, представленная статья не может раскрыть все аспекты формирования и развития гибридных модификаций форм правления современности. Следовательно, последующие исследования должны быть сосредоточены, в том числе, и на более детальном анализе основных векторов трансформации института главы государства при республиканской форме правления в условиях политических, социально-экономических и культурных изменений современного мира.

Литература:

1. Шатіло В.А. Інститут президентства в системі державної влади в Україні. К.: Український центр політичного менеджменту, 2004. 159 с.
2. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М.: Юридическая литература, 1995. 176 с.
3. Чиркин В.Е. Элементы сравнительного государственоведения. М.: РАН, Институт государства и права, 1994. 151 с.
4. Король Бутана передал управление страной в руки своего сына за год до назначенного ранее срока [электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/>

rbcfreenews/20061216171223.shtml (дата обращения 12.04.2013)

5. Королева Нидерландов Беатрикс отрекается от престола в пользу сына [электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/28jan2013/beatrix.html> (дата обращения 12.04.2013)

6. Королева Елизавета II передает полномочия принцу Чарльзу [электронный ресурс]. URL: <http://glavred.info/mir/koroleva-elizaveta-ii-peredaet-polnomochiya-princu-charlzu-249522.html> (дата обращения 12.04.2013)

7. Ярош О. Jus honorum. К.: Видавництво Ра-венського, 2004. 328 с.

8. Селезнев Л.И. Политические системы современности: сравнительный анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. 254 с.

9. Bailey H.A., Shafritz J.M. The American Presidency: Historical and Contemporary Perspectives. Chicago: Dorses Press, 1988. 452 p.

10. Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации: Монография. Х.: Константа, 2006. 352 с.

11. Шуляк С.В. Неопатримоніальні диктатури в арабському світі: аналіз баасистської моделі: Автореферат на здобуття наук. ст. канд. політ. наук / С.В. Шуляк. Дніпропетровськ: Дніпропетровський національний університет, 2004. 18 с.

References:

1. Shatilo V.A. Institute of Presidency in the system of state power in Ukraine. K.: Ukranian center of political management, 2004. 159 p.

2. Entin L.M. Power separation: experience of modern states. M.: Juridical literature, 1995. 176 p.

3. Tchirkin V.E. Elements of comparative state studies. M.: RAN, Institute of state and law, 1994. 151 p.

4. King of Butan delegated controle over the country to his son the year before the appointed time [e-resource]. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20061216171223.shtml> (date of access 12.04.2013)

5. Queen of the Netherlands Beatrix demised the crown [e-resource]. URL: <http://www.newsru.com/world/28jan2013/beatrix.html> (date of access 12.04.2013)

6. Queen Elizabeth II devolves power on Prince Charles [e-resource]. URL: <http://glavred.info/mir/koroleva-elizaveta-ii-peredaet-polnomochiya-princu-harlzu-249522.html> (date of access 12.04.2013)

7. Yarosh O. Jus honorum. K.: Vidavnitstvo Raven-skogo, 2004. 328 p.

8. Seleznyov L.I. Political systems of today: comparative analysis. StPetersb.: TOO TK "Metropolis", 1995. 254 p.

9. Bailey H.A., Shafritz J.M. The American Presidency: Historical and Contemporary Perspectives. Chicago: Dorses Press, 1988. 452 p.

10. Fisun A.A. Democracy, neopatrimonialism and global transformation: Monograph. Kh.: Konstanta, 2006. 352 p.

11. Shulyak S.V. Neopatrimonialni diktatury v arab-skomu sviti: analiz baasistskoy modeli: Abstact of Candidate's Dissertation / S.V. Shulyak. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk national university, 2004. 18 p.